

Глава 11. И снова на перекрестке: хмурое утро или вновь упущенный шанс?

Заключительная глава книги посвящена последним примерно 15 годам - времени, в котором прошлое не только еще не отделилось от настоящего, не став еще историей в подлинном смысле слова, не только переплетено с настоящим тысячами нитей повседневной жизни и ее восприятия, но и до сих пор отбрасывает густую тень вперед, в наше будущее. Ни в коей мере не являясь историческим фаталистом, я уверен, что будущее не предопределено и открыто для разных сценариев развития. Но для того, чтобы избрать наконец правильный, т.е. перспективный его вариант, а не заехать в очередной раз на «коньке» мессианских и псевдопатриотических иллюзий в тупик «особого исторического пути», необходимо «инвентаризировать» наш сегодняшний идейный багаж в контексте реальных итогов пройденного страной пути и его результатов. И оценивать его нужно не с позиции какой-либо из версий системоцентристских моделей и идеалов, а с точки зрения судеб проживших или живущих на этой земле свою единственную жизнь людей.

В исторической драме, участниками и одновременно зрителями которой все мы являемся, неизвестен не только финал, но порой даже конец следующей сцены. События развиваются бурно и во многом непредсказуемо: слишком много разноплановых и не зависящих друг от друга факторов воздействуют на ситуацию. И позиция каждого из нас - отнюдь не последнее из обстоятельств, определяющих облик будущего страны. Впервые на памяти ныне живущих поколений наше общество стоит перед новым кардинальным выбором собственного будущего на десятилетия вперед. При всем многообразии общественных ожиданий и надежд принципиальный выбор все же сводится к извечной дихотомии «персоноцентризм - системоцентризм». На протяжении всей книги мы наблюдали за драматической борьбой двух этих базисных типов общественного сознания. Менялись исторические одежды, идейные

знамена, социальный состав каждой из «команд», но не сама глубинная суть конфликта. И сегодня мы опять оказались на таком же перекрестке. Выберемся ли мы, наконец, из веками накатанной и потому с очевидностью бесперспективной системоцентристской колеи на довольно жесткую, особенно вначале, но единственно достойную нашего великого и многострадального народа дорогу персоноцентристского развития? Не окажемся ли мы опять в плену у какой-нибудь новой версии антиличностной системоцентристской идеологии?

Поскольку я не астролог и не претендую на лавры пророка, не буду предлагать однозначные прогнозы. Для того, чтобы реально оценить нашу ситуацию и перспективы, я постараюсь обсудить несколько групп вопросов. При этом главное внимание будет уделено тем моментам в нашем массовом сознании и идеологии, которые больше всего препятствуют нашему выходу в полный неопределенности и даже опасностей, но единственно достойный свободных людей **персоноцентристский мир**. Делается это отнюдь не из склонности к «очернительству», а, напротив, исходя из моего понимания смысла социальной ответственности исследователя, а также - из исторического оптимизма.

Консервативный синдром и персоноцентристская альтернатива.

Речь в этом разделе пойдет о тех атрибутах нашей морали и психологии, которые на самом фундаментальном уровне работают против перемен, мешая нам выскочить, наконец, из беличьего колеса нашей несчастливой исторической судьбы. Вот как представляются мне основные компоненты синдрома консервативного:

1. Антиличностная социальная установка. На уровне клише массового сознания ее идеологию передает печально памятный лозунг 30-х годов: «Незаменимых у нас нет!» Ее суть - активное неприятие материальной или духовной независимости и свободы человека, блокирование «незапрограммированной» активности отдельной личности, будь то ученый,

предприниматель или фермер. Этот завистливый, запретительно-угнетательный антииндивидуализм основан на посылке «никому не должно быть лучше, чем мне», прямо противоположной западному мещанскому стереотипу «быть не хуже Смитов». Парадоксально, но его носители готовы скорее примириться с «захватным правом» Соловья-разбойника или случайной удачей ленивого Емели либо везучего Ивана-дурака, нежели с заработанным в поте лица благополучием трудолюбивого Ганса.

Эта установка имеет множество проявлений. Назовем два основных: уравнительность под маской «социальной справедливости» (на самом деле отнюдь не справедливой) и принудительная псевдоколлективность, эксплуатирующая стадный принцип «все, как один» и ориентированная на ситуации, в которых человек, независимо от его воли и желания, втягивается в некое совместное действие, где его личное мнение практически ничего не решает. Индивидуальность приносится в жертву вульгарно понятой идее единства, «соборности». Социальная цена этой жертвы - отторжение (а в сталинские времена - и прямое физическое уничтожение) тех, кто выделяется из «стаи», и в первую очередь людей неконформных. Результатом подобного продолжавшегося в нескольких поколениях противоестественного отбора стал тот дефицит талантливых в практической сфере и в то же время честных людей, который обнаружился в ходе реформ в нашей вообще-то сказочно богатой на таланты стране. В силу этого многие смотрят на наше будущее весьма пессимистически. И, объективно рассуждая, российско-советская история, дает в этом отношении не так уж много оснований для оптимизма, ибо за период господства в ней большевиков, всеми силами искоренявших индивидуализм и, напротив, всемерно насаждавших массовидное, системоцентристское сознание, ситуация в этом отношении объективно значительно ухудшилась по сравнению с началом века.

Правда, события перестроечных и первых пореформенных лет зародили определенный оптимизм в оценке наших возможностей и перспектив. Народ, практически не имевший опыта демократии, несколько

раз в критические моменты этих переломных лет проявил и здравый смысл, и достоинство, и понимание своих подлинных долгосрочных интересов. И хотя антиличностная установка тоже неоднократно демонстрировала тогда свою некрофильско-разрушительную мощь, тем не менее выяснилось, что она отнюдь не может больше претендовать на монопольное господство над умами людей. Обнаружилось, что ее индивидуалистическая, персоноцентристская альтернатива тоже располагает немалой социальной базой, причем среди наиболее важных и перспективных с точки зрения социальной динамики групп населения. К сожалению, ряд факторов, о некоторых из которых будет сказано ниже, затормозили процессы формирования персоноцентристского сознания, расширения его социальной базы, и даже напротив, стимулировали у большого числа людей оживление системоцентристских установок и иллюзий в новой форме.

2. Комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен. Он распространен на разных уровнях сознания, в разных социальных группах и возникает на пересечении двух компонентов: с одной стороны, это понимание ущербности, порочности и бесперспективности господствовавшей испокон веку системы общественных отношений, с другой - это ощущение своей органической сращенности с этой системой, в силу чего ее изменение воспринимается как угроза устоявшемуся порядку бытия, заведенному укладу жизни, пусть далекому от совершенства, но единственно привычному, и следовательно, как личная угроза. Причем перемен боятся и многие из тех, кто, казалось бы, может от них только выиграть. Однако риск и состоятельность пугают многих. Государственная опека, дававшая гарантии прожиточного минимума, возможность прожить пусть кое-как, но зато без особого напряжения в труде, а в ряде случаев - лишь имитируя полезную деятельность, по-прежнему для них привлекательна.

В целом здесь, видимо, срабатывает стереотип, о котором писал еще Карамзин: «Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее

нового добра, а новому добру как-то и не верится». На таком причудливом фундаменте, сложенном из неудовлетворенности своей жизнью и боязни эту плохую, но привычную жизнь изменить, и зиждется комплекс неполноценности, проявляющийся в стремлении хоть как-то, пусть иллюзорно, преодолеть данное подсознательно ощущаемое противоречие, не меняя ничего по существу. Для этого есть два пути.

Первый - агрессивное наступательное самоутверждение, подлинная цель которого - скрыть внутреннюю неуверенность и раздвоенность. Его конкретные проявления - хвастливое приукрашивание своей жизни и достижений страны в прежние времена, а то и прямое мифотворчество на сей счет. Тот, кто остается рабом в душе своей, будет яростно сопротивляться попыткам вывести его из рабского состояния, более того, он будет мешать и другим выбраться из него, отстаивая своего рода моральное право на собственное рабство. Реальный идеал людей с этим типом сознания передает старая «бесовская» формула Петра Верховенского: «Все рабы и в рабстве равны». Тоска по советским временам, их мифологическое приукрашивание, глубоко антиличностные по отражающему стоящий за ними характер сознания клише типа «заберите вашу свободу и верните нашу дешевую колбасу» - очевидные симптомы этого комплекса.

Путь второй - муссирование славянофильской идеи уникальности духовного строя и предназначения русского народа, который, дескать, переделка на западный лад, погоня за материальными благами и политическими правами неизбежно разрушат. По своей окраске он отличается от первого варианта преобладанием мирного, романтически-патриархального настроения, хотя при определенных обстоятельствах быстро обретает черты первого, агрессивно-хвастливого пути.

3. Дефицит моральных регуляторов поведения. Все началось, как мы видели, с того, что во второй половине XIX - первой половине XX в. в стране значительно ослабла, а затем и во многом разрушилась традиционная система моральных ценностей. В главах шестой и седьмой

были показаны объективная обусловленность данного процесса и закономерность происшедшего распада. Однако на смену ей не пришла никакая-либо иная конструктивная и внутренне легитимная система моральных регуляторов. Надежды на утверждение новой, социалистической морали оказались утопией. «Моральный кодекс строителя коммунизма» остался лишь цитатником для плакатов. Система моральных ограничителей была слабой, лицемерной, ранжированной» как и идеология. А в 90-е годы - период слома без адекватной замены даже прежних советских - ущербных, но все же хоть каких-то моральных «табу» - вообще возобладала аномия - воинствующая моральная безнормативность, вседозволенность. И произошло это одновременно с исторически беспрецедентным по масштабу перераспределением собственности. В этой ситуации «Клондайка», «золотой лихорадки» люди с нравственными самоограничителями были обречены оказаться, в лучшем случае, на обочине. Печальные результаты этой ситуации у всех на глазах. Индивидуализм возник, но антилиберальный, признающий лишь свои собственные права и свободы, но отнюдь не права и свободы других. Весьма точное слово для обозначения этого состояния сознания предложил названием своей книги С.В.Николаев - «Расконвоированные», описав его следующим образом: «Расконвоированному, тем более расконвоированному почти внезапно для него самого, человеку, вообще свойственно, во-первых, видеть и ощущать свободу как собственный ничем не стесняемый - чистый - произвол и искать способов ее выражения исключительно на внешних путях, во-вторых, видеть в свободе не первоначальное условие творчества, но его... результат... Россия расконвоирована, но все еще не вполне свободна в плане ценностном, содержательном, освобождена, но *не укоренена* в свободе» 1)» Как-то раз, пытаясь объяснить в одной западной аудитории специфику данного состояния сознания, я назвал его «синдромом освобожденного узника». Правда, моральная реконструкция общества в любом своем варианте - дело тяжелое, болезненное, достаточно долгое и несущее с собой

неизбежные издержки. Полагаю, что это не менее сложно и не менее важно для судеб страны, чем создание нормальной экономики.

4. Недостаточная развитость нормальной трудовой этики. На протяжении веков труд в нашей стране был почти тотально несвободным, содержал значительный элемент внеэкономического принуждения и потому рассматривался как неприбыльная повинность. Морально-психологическое отчуждение от процесса и результатов труда нашло, в частности, отражение в таких народных пословицах, как «От трудов праведных не наживешь палат каменных», «Работа дураков любит» и пр. В своей основе это мировоззрение противоположно евро-американской традиции трудовой этики (например, в американской аудитории мне было очень нелегко растолковать суть этих пословиц, показать их «изюминку» и тем более найти им хотя бы относительный эквивалент в англоязычном фольклоре). Правда, освобождение крестьян, развитие капиталистических отношений, да и в какой-то степени нэп заложили основы новой трудовой этики, но укорениться она не успела. Режим, провозгласивший лозунг свободного труда, на деле опять превратил его в казенную повинность. Принудительная коллективизация, труд армия, архипелаг ГУЛАГ, широкое использование практически бесплатного труда военнослужащих, «шефов» из городов и т.п. отбросили трудовую этику народа на столетие назад. В то же время действительно эффективные работники вышибались из седла, поскольку подлинно эффективный труд предполагает определенную самостоятельность работника, его хотя бы ограниченную, но в каких-то пределах гарантированную независимость от администрирования со стороны всевозможного «начальства». Этого же советская система ни под каким видом допустить не могла. Не случайно даже в 1992 г. в одном из проводившихся нами массовых опросов пословица «От трудов праведных не наживешь палат каменных» получила почти в 6 раз более сильную поддержку (37,4% против 6,4%), чем ее антипод - «Не бывает у воров белокаменных домов». Вот где лежат глубинные корни высокой степени криминальности нашего бизнеса! Правда,

как раз в этом отношении быстрее, чем в других, происходят заметные позитивные перемены

5. Квазиэтатизм, т.е. фетишизация власти. Эта установка политического сознания означает, что политико-государственная власть мыслится как главный, если не единственный стержень, на котором держится все общественное устройство. Ее основными атрибутами являются неверие в закон как эффективное средство борьбы за соблюдение прав и защиту интересов личности (индекс веры в закон весьма низок), фатальная покорность любым исходящим от носителей власти предписаниям независимо от их законности и справедливости, отождествление государства и общества, «казенный патриотизм» (еще А.И.Герцен уничижительно характеризовал его как «петербургский патриотизм, который похвально количеству штыков и опирается на пушки»). А там, где нет веры в закон, есть вера в непреодолимость действующего и воспроизводящего себя на всех уровнях произвола.

И еще один стереотип, на котором стоит наш квазиэтатизм, - это боязнь «хаоса», «анархии», которые якобы наступят, если только «отпустить вожжи». Логически ясно, что тут происходит несложная подмена понятий - свобода подменяется хаосом. Однако формальная логика, как известно, никогда не была сильной стороной массового сознания. Так или иначе, но сама идея свободы остается для обывателя непривычной и пугающей. Гораздо привычнее для него, например, полуосадное положение со всеми его атрибутами. И люди, прожившие всю свою жизнь, ощущая себя подданными всемогущего тоталитарного государства, настолько привыкли к этому состоянию, что теперь чувствуют себя как-то неуютно. Но при этом они на самом деле боятся не столько «анархии», сколько необходимости индивидуального ответственного выбора, составляющей один из непеременимых элементов свободы, необходимости самим принимать решения. И наши политики реформенного времени совершили серьезную ошибку, проигнорировав этот психологический фактор, когда буквально в одночасье перевели государство из режима патернализма в

режим крайнего либерализма, то-есть оставили привыкших к избыточной государственной опеке людей, по существу, на произвол судьбы - наедине с почти не урегулированной правом и непонятной большинству населения стихией «дикого рынка» и первоначального накопления. Так что, надо признать, наш «Клондайк» и имеющее под собой все основания чувство личной и социальной незащищенности людей дали вполне объективные дополнительные резоны для страха свободы, желания вернуться под «длань» всемогущего государства. И этот синдром сейчас всюду эксплуатируют наши новые «государственники».

6. Консервативный национализм различных разновидностей ныне весьма громко заявляет о себе. (Разумеется, нельзя смешивать его с вполне конструктивными и объяснимыми национальными движениями, хотя всюду есть и «зерна» и «плевелы».) Но поскольку связанный с этим комплекс проблем чрезвычайно многогранен и требует специального углубленного обсуждения, ограничимся здесь замечанием общего порядка. Думается, в основе многих форм национализма (включая шовинизм) лежит глубоко замаскированный, по большей части неосознаваемый комплекс неполноценности. Базирующаяся на нем идеология проникнута духом поиска постороннего «козла отпущения», т.е. возложения ответственности за собственные беды и неудачи не на самих себя, а на неких злокозненных инородцев. Погромный потенциал такого рода «неопочвенничества» может обращаться и часто обращается на любые национальные меньшинства и на этнических соседей и даже на «титულную» нацию. Примеров его, увы, немало и на территории бывшего СССР и в самой России. Проблема эта настолько сложна и болезненна, что ее никак нельзя обсуждать «походя», наряду с другими вопросами, как в случае данной книги. Замечу лишь, что комплекс национальной неполноценности, казалось бы, уж никак не должен быть присущ нашей великой нации, для коей к тому же открылось сейчас необъятное поле деятельности по «обустройству» собственной жизни и страны без поиска каких-то «злоумышленников», якобы задумавших сгубить более чем 100-

миллионный народ с тысячелетней культурой, живущий на богатейшей земле.

7. «Стихийный народный империализм». Он тесно сопряжен с национализмом. Обычно понятие империализма применяют к государственно-идеологическим сферам. Однако существует и империализм «народный», присущий так называемым простым людям. Явление это носит интернациональный характер и присуще, например, французскому (а до 1945 г. - и немецкому) массовому сознанию ничуть не меньше, чем российскому. Нередко можно слышать, как какой-нибудь обыватель с кругозором, ограниченным его убогой повседневностью, интуитивно рассуждает почти в классических геополитических категориях государственных интересов, интернационального долга и т.п. Применительно к азиатской части СССР упор делался на «цивилизаторскую миссию» России; применительно же к Восточной Европе и Прибалтике главный тезис звучал приблизительно так: «Мы-де их освободили, а они, неблагодарные, не захотели жить по-нашему!» При этом почему-то не приходило в голову, что «освобождение», сопровождающееся стремлением принудить «жить по-нашему», называется не столь возвышенно, а совсем иначе. Могут возразить, что вся эта народная империалистическая психология сложилась отнюдь не спонтанно, а внушена массам по идеологическим каналам. Однако если это и справедливо, то лишь отчасти. Как свидетельствует история мощнейшей советской системы массовой пропаганды, она бывала эффективной лишь в тех случаях, когда ей удавалось «оседлать» уже существовавшие в массовом сознании представления. В данном случае она лишь усиливает глубинные стереотипы традиционалистского сознания, отражающие настороженную неприязнь ко всякого рода «чужакам» и, манипулируя ими, направляет ее против того «врага», возмущение которым в данный момент больше всего отвечает потребностям текущей политики.

8. Система моральных уловок и самооправданий. Активная гражданская позиция, развитое чувство социальной ответственности,

инициативное поведение людей - все это относится к числу решающих предпосылок успеха преобразований. Соответственно, уход от ответственности, психология «маленького человека», конформизм сознания и поведения являются их серьезными морально-психологическими тормозами. Однако чаще всего они не выступают в явном виде, а посредством защитных механизмов сознания приобретают превращенные формы, которые, анестезируя совесть, позволяют человеку «сохранить лицо» перед другими и перед самим собой. Назовем некоторые разновидности таких механизмов: мораль «рабочей лошадки», полагающая излишним вмешиваться «не в свое дело» (чаще всего под этим подразумеваются граждански значимые острые проблемы); философия собственного бессилия и всемогущества любого «начальства» («А что я могу сделать?», «Они меня в бараний рог согнут!» - вот ее наиболее расхожие клише); подчеркнутая лояльность ко всему исходящему от власти, на деле маскирующая прагматичный карьеризм, обывательское желание застраховаться от любых возможных неприятностей, двойную и тройную мораль; откровенное возведение морального релятивизма в жизненный принцип; позиция «фиги в кармане», одновременно и анестезирующая совесть, и не ставящая под угрозу личное благополучие. В нынешних условиях конкретные формы этих защитных механизмов претерпели определенные изменения, однако их суть - «самоиндульгенция» - осталась прежней.

9. Агрессивная нетерпимость по отношению к носителям других взглядов и позиций. Она особенно опасна в переходный период, к тому же в условиях не сложившегося гражданского общества. Но при этом терпимость не должна переходить во вседозволенность и распространяться на насильственные действия, их подготовку или призывы к ним. В принципе границы «дозволенного» сегодня достаточно ясны. За это знание человечество заплатило в XX веке огромную цену. И здесь, несомненно, на первый план выходит роль и ответственность государства.

Именно оно обязано *обеспечить, с одной стороны, свободу мнений и их выражения, с другой - защиту общества и отдельных граждан от насильственных действий и экстремистских организаций, деятельность которых направлена на подрыв основ демократического правопорядка.* Карл Поппер в своей классической работе «Открытое общество и его враги» писал в данной связи: «При демократии полная правовая защита меньшинства не должна распространяться на тех, кто подстрекает других к насильственному свержению демократии.» 2) И далее, развивая концепцию необходимости эффективной и активной защиты демократии, он подчеркивал: «Политика - много говорить и ничего не делать перед лицом реальной и возрастающей опасности для демократических институтов - ведет к катастрофе. Она учила фашистов бесценному методу говорить о мире, одновременно ведя войну. 3) Думаю, нам следовало бы повнимательней прислушаться к этим советам. В частности, я считаю, что наши правоохранительные органы ставят под угрозу интересы и безопасность всего общества, постоянно проявляя нерешительную мягкотелость по отношению к неофашистам, другим радикалам-экстремистам, да и по отношению к тем формально легитимным организациям, которые призывают к новому экономическому переделу, а в политической сфере - по существу, к возврату к советской системе.

Годы перестройки и первые годы реформ сократили степень распространенности консервативного синдрома. Люди стали чувствовать себя активными субъектами происходящих в стране процессов, от которых на самом деле многое зависит. Но все же он в различных своих формах и элементах остается очень существенным фактором нашего общественного сознания, главным препятствием на пути кардинального обновления общества. Более того, за последние годы на фоне общественного разочарования в либеральной модели, а, вернее, в той ее несовершенной форме, которую пытались, к тому же довольно непоследовательно, проводить в жизнь наши правительства 90-е годы, наблюдается импульс к

оживлению консервативного синдрома. Это представляется достаточно опасной тенденцией. Ведь любые политики и демагоги, рассчитывающие в который уже раз отвернуть страну от персоноцентристской трассы и после косметических перемен вновь пустить ее по накатанной системоцентристской колее, имеют шансы на успех только в том случае, если им удастся оседлать консервативный синдром. И напротив, реформаторам, чтобы помочь обществу преодолеть этот синдром, необходимо четко знать его конкретные формы и социальные адреса.

Желая избежать опасности поверхностных политических обобщений, удержимся от соблазна истолковывать результаты референдумов и выборов как свидетельство распространенности консервативного синдрома. Ее причины не лежат на политической поверхности явлений, а углубленный анализ требует проведения специальных исследований. Однако все же можно по совокупности косвенных данных оценочно предположить, что носителями признаков консервативного синдрома в сильной и средней степени являются в нашем обществе примерно 20-25% активного населения, причем их доля выше в старших возрастных группах и гораздо ниже среди молодежи, а также имеет очевидную обратную корреляцию с уровнем образования. Примерно такая же часть населения, но с совершенно иными социальными характеристиками обладает более или менее четкими признаками противоположного ему **синдрома модернизации**, т.е. настроена на радикальное обновление общества. Поскольку элементы этого синдрома находятся сейчас в стадии «вулканического формирования», в чем-то сходной с геологической стадией первичного образования земной коры, они еще весьма переменчивы и пока не могут быть описаны с той же определенностью, что и элементы синдрома консервативного. Разумеется, некоторые вещи выделить можно. Это индивидуализм, стремление самому планировать свою жизнь и работу, готовность много работать «на себя», рисковать во имя возможности получения высоких доходов, относительно

прагматическое и даже индифферентное отношение к идеологии и политике, умеренность в национальном вопросе и многое другое.

Исследование динамики этих двух синдромов, их взаимодействия, социальной базы и перспектив, возможно, важнейшая сейчас задача нашего обществоведения, ибо ее решение позволит спрогнозировать исход того кризисного периода, который переживает сейчас страна, оценить вероятность и перспективы ее полноценного и необратимого вхождения в персонцентристский мир.

В этой связи представляется любопытной и в определенном смысле обнадеживающей возникшая в последнее время «социологическая разногласица». Так, наряду с привычно вызывавшими доверие данными опросов ВЦИОМ, которые их руководители интерпретировали как подтверждение неизменности преобладания в массовом сознании подданнически-патерналистских установок по отношению к государству и ностальгии по советским временам, появились и данные, свидетельствующие о тенденции отхода от этих традиционалистских стереотипов - классических элементов консервативного синдрома. Не обременяя читателя цифрами, процитируем вывод авторов тоже достаточно серьезного, на наш взгляд, исследования, которое, по их мнению, опровергает распространенное представление о «народе как помехе на пути модернизации»: «Вектор развития российского общества вопреки распространенному мнению явно направлен в сторону, противоположную традиционализму. Общество это в большинстве своем отторгает отношение к себе, как к пассивному объекту государственного управления и государственной опеки. «Русскую систему» оно переросло еще при коммунистическом режиме, что и стало главной причиной падения последнего. Дальнейшая модернизация блокируется не менталитетом населения, а российской элитой, не готовой и не способной управлять свободными людьми.» 4.

Некоторые социологические гипотезы.

Исходя из сказанного в предыдущем разделе, попробуем сформулировать социологические гипотезы для специальных исследований данной ключевой для нашего будущего проблемы, оценив на основе имеющихся ограниченных данных степень распространенности различных элементов «консервативного синдрома» и «синдрома модернизации», их социальные адреса, интенсивность проявлений и динамику.

1. Главный социально-психологический фактор, обуславливающий наличие в обществе серьезной социальной напряженности, - противоречие между курсом на развитие рыночной экономики и гражданского общества и так называемым консервативным синдромом общественного сознания, включающим перечисленные выше компоненты в разных формах и сочетаниях.

2. Распространенность отдельных компонентов консервативного синдрома, а также его в целом как доминирующей социально-политической ориентации существенно различна в разных социальных, возрастных, профессиональных группах; степень и зоны этой распространенности подлежат выяснению в ходе исследования.

3. Резкая, во многом полярная смена официальной государственной идеологии в условиях предшествующего долговременного насаждения в обществе тоталитарного мышления вызвала социальный шок, утрату «смысла жизни», ценностных ориентиров у значительной части старшего поколения и части среднего; распределение и распространенность данного рода реакций также подлежит выяснению.

4. Во всех возрастных и социальных группах описанная в предыдущей гипотезе ситуация разрушения прежней системы ценностей и правил социальной «игры» (в целом вынужденно соблюдавшихся даже теми, кто не разделял официальных ценностей) значительно опередила конструктивный процесс формирования новой, альтернативной системы ценностей и правил «игры», что в свою очередь привело к характерному для кризисных этапов общественного развития росту безнормативности (аномии), вседозволенности. В зависимости от других личностных или социальных

характеристик это активизирует либо пассивную, либо активную социальную установку «безнормативной личности»: первая предполагает разные формы социального саморазрушения личности (уход в себя, опускание на социальное дно и т.д.), вторая - озлобленность и агрессивное стремление «выжить» ценой попрания всех социальных, моральных и юридических норм, в том числе и в разных формах преступного поведения. Здесь, в частности, кроется одна из причин скачкообразного роста преступности в стране.

5. В сознании людей происходит «поиск врага» по классической схеме «кто виноват?»: распределение ответов на этот вопрос укажет на конкретных адресатов социального гнева и позволит хотя бы смягчить его проявления посредством блокирования его каналов экономическими, пропагандистскими, социальными и другими мерами.

6. Масштаб коррупции в аппарате управления, превышающий по размаху даже брежневские времена, а также возросшее в самые последние годы и практически не скрываемое отчуждение аппарата и «элиты» от общества и его нужд - очень серьезно повлияли на сужение социальной базы реформ, на рост социальной напряженности и, возможно даже, ставят под угрозу всю судьбу преобразований.

7. Политика уничтожения не только класса собственников, но и собственнического («буржуазного») сознания, проводившаяся в течение многих десятилетий, а также серьезные недочеты, допущенные в ходе процессов приватизации и развития предпринимательства, привели к тому, что сформировавшийся «класс» новых богатых людей во многом обладает криминальными или полу криминальными чертами сознания и поведения, что в свою очередь создает в его лице нового «козла отпущения», подрывает морально-психологическую поддержку реформ и социальную установку на предпринимательскую и иную рыночную активность населения.

8. Значительная часть населения занимает пассивно-выжидательную позицию, т.е. находится в процессе нового общественно-политического выбора.

9. Распространены и даже усиливаются явно неадекватная «тоска по застою», а также миф о прошедшем «золотом веке» как психологический феномен поиска символа стабильности в нестабильное время,.

10. Ни монархическая, ни сталинистская модели общества не пользуются популярностью.

11. Подлежит выяснению структура, удельный вес и распределение: а) социального «актива» реформ; б) «групп поддержки» отдельно по основным экономическим и социально-политическим параметрам реформ.

12. По-прежнему влиятельны и усиливаются патерналистско-подданнические политические ориентации, предполагающие: а) надежду на «добротого царя» (автократического политического лидера); б) слабую развитость чувства личной социальной ответственности; в) низкую степень готовности лично участвовать в «обустройстве» даже собственного будущего и будущего своей семьи.

13. Одна из главных причин недоверия нынешним властям - огромная степень преемственности не только в персонах, но и в стиле действий в среде номенклатуры и политической элиты («те же люди и повадки, только лозунги другие»).

14. Все же постепенно социальная база консервативного синдрома сужается, хотя в целом кардинальных перемен в этом плане можно ожидать лишь со сменой поколений на ведущих социальных ролях.

15. Одновременно и с теми же трудностями и ограничениями в массовом сознании формируются альтернативный «синдром модернизации» и «синдром свободы» (выявление их компонентов и социального портрета исповедующей их части общества - одна из ключевых задач исследования).

16. «Классическая» социальная форма консервативного синдрома уступает место его различным националистическим и другим экстремистским формам.

18. Развитию массового сознания в сторону персонцентризма способствовали бы символические формы морального отречения от прежних ценностей и символов при поддержке этого процесса средствами искусства, СМИ, церковными институтами. (В частности, очень помогла бы нравственному оздоровлению общества любая форма так и не состоявшегося «суда над КПСС».)

19. Недостаток терпимости к людям, придерживающимся других взглядов, — серьезный источник социальной напряженности.

20. Низкий уровень веры в закон, в эффективность правового пути решения проблем подрывает реформы, порождает и воспроизводит в обществе конфликтный потенциал.

В заключение этого раздела заметим, что выбор в пользу модернизации и персонцентризма (если он состоится) отнюдь не предполагает отказа от нашего национального наследия, как пугают некоторые недобросовестные оппоненты. Это и не нужно, да и невозможно. Зачем, например, отказываться от таких традиционных российских качеств, как напряженный интерес к «последним вопросам Бытия» (Достоевский) или же хлебосольное гостеприимство? Да и возможно ли это? Или же, например, вряд ли в будущей России интеллигенция полностью утратит тот особый духовный статус, который отличал ее на протяжении двух последних столетий и не имел аналогов в западном мире, хотя эта ситуация интеллигентской исключительности, как мы видели, принесла обществу не только благо, но и зло.

ОБ УЩЕРБНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОДНОМЕРНОСТИ.

В последние несколько лет произошло заметное падение популярности демократических ценностей в массовом сознании. Это вдвойне относится к их либеральной версии. Данный эмпирический факт, независимо от отношения к нему, требует объяснения. Ведь всего десятью годами ранее общество, выходя из-под пресса тоталитаризма, переживало настоящий демократический бум. Именно с демократией связывали тогда надежды на

быстрые позитивные перемены. Сейчас же, в период возрождения, при очевидной поддержке общественного мнения, просвещенного авторитаризма и явного отлива демократической волны, долг аналитика - попытаться понять причины столь резкого изменения в сознании людей.

Отчасти это - неизбежный результат так называемой «революции ожиданий», т.е. реакции разочарования на завышенные и потому, естественно, неоправдавшиеся общественные ожидания. Но это, как говорится, лишь часть проблемы. Последнее время многие - одни с негативными, другие с позитивными чувствами - вновь занялись муссированием идей относительно «особенной стати» России и по этой причине якобы непригодности для нее «западных» демократических порядков и институтов

Поскольку значительная часть содержания моей книги, по существу, представляет мой вариант ответа на эту «вечную» российскую дилемму, ограничусь здесь лишь замечанием, что **Россия, по моему мнению, никогда не была «нацией рабов»**. Гораздо больше оснований, как мне представляется, имеет, например, точка зрения Г.П.Аксенова, изложившего ее следующим образом: «Одни историки сегодня объявляют русских вечными рабами, подъяремными людьми. Другие - державники _ играют им на руку. Коммуно-патриоты вроде Зюганова, не различая страну и государство, объявляют правительство и начальство любимым детищем русского народа. И обе эти смыкающиеся крайние точки зрения антиисторичны и в целом невежественны. Основная масса российского населения не более и не менее любила и любит свободу, чем другие нации. Россияне не мирились с насилием, с государственным чиновничеством и военным покорением. Они не отождествляли себя с «родным» государством, как то многие хотели бы представить, поскольку постоянно от него убегали. Русскую историю подвела русская география: было куда уносить ноги. Вот отсюда и начались национальные особенности. Наиболее предприимчивые элементы народа могли бы развить свое политическое бытие, а вместо этого убегали в резервные пространства, не боролись с

гнетом, а уходили от него все дальше и дальше на восток. Было куда уходить, к сожалению. Эту особенность русской национальной жизни можно было бы назвать экстенсивной политикой. Инстинкт свободы так и остался инстинктом, не перешел в сознание и действие. Это жизнь вовне, но не внутри государственного организма. У последнего была, образно говоря, постоянная незакрытая дыра в боку, куда уходили вся преобразовательная энергия и потенциал свободы, которые свойственны, как уже говорилось, людям всегда, от начала веков.» 4) Не все в этой конструкции я готов безоговорочно принять, но ее основной пафос кажется очень продуктивным для рефлексивного сознания.

Понятие же завышенных, т.е., по самому смыслу слова иллюзорных. ожиданий предполагает неизбежность и потому как бы нормальность разочарования. Не вдаваясь сейчас в дискуссию по данному вопросу, хотел бы обсудить часть другой стороны проблемы - не неизбежные или, используя теннисную терминологию, - «невынужденные ошибки» демократов и, прежде всего, одну из них - экономический редукционизм.

Вспомним «черный понедельник» 17 августа 1998г. Он столь сильно ударил по позициям наших либералов еще и потому, что финансово-экономические факторы были главным, стержневым звеном их идеологии и программы. Поэтому, когда в этом звене произошел сбой (не будет сейчас рассуждать о его причинах и виновниках - тема эта много муссировалась как профессионалами, так и дилетантами, и я, не будучи экономистом, не хочу множить число «имеющих собственное мнение» дилетантов), возникла растерянность, ибо убедительного внеэкономического ответа на вопрос «за что боролись?» у наших либеральных политиков не оказалось. Так сложилось, что в массе своей оказались экономистами, людьми, которые в силу своей профессиональной подготовки и опыта глядят на мир через призму финансовых и макроэкономических процессов. В этом их сила, в этом и определенная их ограниченность.

Между тем подобный экономический перекоп совсем не обязателен для либерализма, возникшего, как понятно даже из этимологии самого слова, из

стремления людей к свободе - ко всякой свободе, а не только экономической. Он скорее отражает извечный человеческий соблазн найти универсальный «философский камень», или, другими словами, одну-единственную первопричину всего, доминанту, определяющую ход всех прочих происходящих в обществе процессов. Увы, тяга к одномерным объяснительным схемам присуща людям с древнейших времен и до сих пор. Когда-то в древности причины событий сводили к воле и деяниям царей, героев, пророков, либо к Божественному Промыслу. Уже в Новое время Гегель объяснял историю из развития Абсолютного Духа. И, как ни странно, человеческая мысль и поныне не излечилась от соблазна сводить все к единому «знаменателю».

В XIX-XX столетиях это «проклятие одномерности» наиболее ярко и агрессивно проявилось в форме так называемого «экономического монизма», основанного на убеждении в безусловном примате хозяйственной деятельности над всеми прочими сферами жизни людей. Марксистская версия этого монизма, на которой воспитывались все советские люди, излагала данную дилемму в терминах приоритета производительных сил над производственными отношениями, базиса над надстройкой. Сейчас, к счастью, марксизм утратил статус догмы и вновь обрел нормальное положение одной из теоретических доктрин. Впрочем, другие версии экономического монизма - как классические схемы Адама Смита и Рикардо, так и современные теории Милтона Фридмана и так называемый «плоский экономизм в духе Wall Street Journal» - по-прежнему владеют умами миллионов и миллионов людей. Как отмечалось в начале книги, есть и другие виды монизма - политический, научно-технократический, националистический, даже экологический... За ними стоит все то же плоскостное и, как правило, довольно высокомерное сознание «жрецов», служащих, по их мнению, в храме «главного» божества. Парадоксально, но и наша страна, казалось бы, до дна испившая горькую чашу экономической одномерности, не избавилась от нее и в постсоветские времена. Наши либералы, как правило, были экономистами - честными,

высококвалифицированными, в сущности, в начале 90-ых годов спасшими страну от катастрофы, но, увы, достаточно одномерными. И хотя порой они выходили за рамки экономических схем (например, заговаривали о свободе слова, о правах человека), но делали это как-то вяло и неубедительно. Чувствовалось, что свобода духа, в отличие от свободы экономической - не их сфера, что в глубине души они все-таки не верят, что «не хлебом единым жив человек». Боже упаси упрекать их в этом. Просто не были они гуманитариями по своему профессиональному опыту и взгляду на мир. И такие люди нужны в политике и правительстве. Но нужны и другие - люди с более широкой социальной, философской, правовой рефлексией. Почему же их не оказалось «в нужное время в нужном месте»? Почему поле для риторики и спекуляций на духовных факторах было безропотно отдано нашим так называемым «левым»? Почему коммунистам, лишь сменившим риторику «народовластия» на державно-православные знамена, но отнюдь не чувствующим себя обремененными страшным грузом исторической ответственности их партии за истребление десятков миллионов россиян, и нашим «почвенным» нацистам, грозящимся продолжить эту «работу», была отдана монополия на право величать себя «патриотами»? Первым понял эту слабость экономической версии либерализма Жириновский, когда на выборах 1993 года в Думу, в противовес «скучным» либеральным рассуждениям о налогах, инвестициях, процентах и прочих «низменных» материях, он мастерски разыграл карту потребности человека в мечте в ее российском варианте «золотой рыбки» (или Емели либо «конька-горбунка»), добавил к этому толику обещаний удовлетворить тоску по утраченной державности, т.е. в извращенном, но распространенном варианте самоуважения, и выиграл.

В явном перекосе нашего либерализма в сторону экономизма, видимо, сыграли роль и неизжитость марксистского экономического сознания, и действительно аховая экономическая ситуация того времени, и задача перераспределения беспрецедентного по масштабам массива собственности, и персональные моменты. И казалось, что все это

оправдано. Но пришло 17 августа, и оказалось, что в обстоятельствах экономического кризиса нашим либералам-экономистам, по большому счету, мало что есть сказать людям. Рациональный homo oeconomicus - неадекватная модель человека, в том числе (а, может быть, и особенно) человека российского.

Лично я никогда не верил, что тайники человеческой души можно открыть при помощи связки одних экономических ключей. И судьба России, не меньше, чем от экономических параметров, зависит и от факторов внеэкономических, прежде всего - моральных и правовых. Десятилетиями нараставшая и даже поощрявшаяся моральная деградация общества, ущербность господствовавшей в нем системы моральных норм, извращенное и недоразвитое правовое сознание привели нас в состояние, когда даже самые радикальные и вроде бы рациональные экономические шаги если им не будет способствовать восстановление нормальной трудовой морали, повышение уважения к закону, не приведут к положительным результатам, а породят самые неожиданные с чисто экономической точки зрения эффекты. Нам равно необходимы и возрождение «честного купецкого слова», и вытеснение из сознания закрепленного в пословице и, увы, до сих пор отражающего правду жизни стереотипа «от трудов праведных не наживешь палат каменных», и подкрепленная массовыми примерами вера в правосудие, и осознание того, что материальные блага - лишь часть того, что нужно человеку для счастья, а на самом деле «не хлебом единым жив человек», и полноценное понимание духовной природы человека, и вера в Бога. О религиозном аспекте проблемы свободы в современной России рекомендую цитированную несколькими страницами выше книгу Николаева. 5)

Без морального оздоровления общества в России даже в условиях относительного экономически благополучного сценария неизбежно продолжение безжалостной «войны всех против всех» за хоть и привлекательные, но отнюдь не главные на шкале духовных ценностей призы материального комфорта и властвования над себе подобными.

Разумеется, было бы глупо призывать к игнорированию экономических факторов. Но столь же односторонней представляется и их абсолютизация как якобы основы всех основ. Боюсь, что экономический детерминизм, забвение многомерности жизни - серьезный дефект современной версии нашего либерализма.

Еще Сократ в платоновой «Республике» говорил, что очень важную часть человека составляет его духовное начало - *thymos*. Именно оно подвигает человека совершать поступки, не находящие удовлетворительного объяснения в рамках материалистических, в том числе - экономистских - представлений, а в предельных случаях - и жертвовать жизнью во имя отнюдь не материальных ценностей. Эта мысль находила то или иное преломление и в философских системах Гоббса, Канта, Гегеля, Локка, Спинозы и многих других великих философов.

В современной гуманистической психологии она описывается через категории потребности в самореализации или «потребность смысла жизни»⁶). Популярный американский исследователь Ф.Фукуяма (идеи которого несправедливо сводят лишь к концепции «конца истории» в результате якобы всемирной победы либеральной идеологии), следуя гегелевской парадигме и отнюдь не будучи психологом, а формально скорее примыкая к экономистам, включает в свою концепцию тему *потребности человека в признании* его наделенным равными с другими правами и рассматривает его борьбу за такое признание как одну из вечных и универсальных мотиваций человеческого поведения. 7) Применительно к современной Америке он иллюстрирует это возникшим в конце 80-ых годов «движением за самоуважение», в некоторых случаях получившим даже квазиправовую форму: в частности, одна из комиссий законодательного штата Калифорния даже приняла специальную Хартию. В основе идеологии движения лежит психологическое наблюдение, согласно которому человек способен успешно действовать в жизни только в том случае, если он обладает сознанием ценности собственной личности. В противном случае его вера в собственную «ничтожность» деструктивно влияет на его

поведение, становясь как бы «самоорганизующимся пророчеством» (еще один термин, принятый на вооружение гуманистической психологией). Самоуважение должно опираться на практические достижения в какой-либо сфере деятельности (не исключая, кстати, и сугубо бытовой, домашней). Но столь же опасно и отклонение в противоположную сторону - опирающееся на успехи самоощущение себя как высшего по сравнению с другими и на этом основании отказ признать за теми равенство их прав. 8)

В такого рода «ницшеанском» высокомерии якобы «элиты» либо претендентов на эту роль кроется серьезный источник нестабильности, поскольку оно приходит в столкновение с сократовским «тимосом» - духовной потребностью человека быть признанным равным другому. Именно здесь мне видится глубинный смысл многих наших острейших коллизий прошлого и настоящего. Поясним это на примере сегодняшней России. Хотя советский тоталитарный режим на деле представлял высшую степень отчуждения человека от политической власти 9), он, тем не менее, создавал некую пусть карикатурную, но иллюзию соучастия граждан в политике. Теперь же, несмотря на то, что объективно граждане России едва ли не впервые в нашей истории (за исключением относительно краткого периода после 1905 года) получили политические права на уровне мировых стандартов, субъективно многие из них чувствуют себя более отчужденными. Не в последнюю очередь это происходит и потому, что меньшинство, обеспечившее себе доступ к реальным рычагам политической, экономической, информационной и иной власти, с неумным чванством, и обескураживающим отсутствием самоиронии, способности «посмотреть на себя в зеркало», со стороны, называет само себя «элитой» и соответственно себя держит, низводя всех прочих до уровня «электората» и вспоминая о нем лишь накануне выборов. (Для сравнения представьте себе политическую судьбу политика в любом демократическом обществе, который будет иметь глупость сказать о себе или своем социальном слое «элита» либо как-то обозначить это своим поведением.)

Об «особой роли» государства в России.

В последние годы у нас стало модным и по случаю, и безо всякого повода называть себя «государственниками». Один из подтекстов этой фигуры речи - скрытое противопоставление себя «антигосударственникам», под которыми почему-то часто подразумевают именно либералов. Между тем «государственничество» - отнюдь не антитеза либерализму, во всяком случае, в современной редакции как того, так и другого. Кто, как не государство, должен стоять на страже тех же экономических, гражданских, интеллектуальных, духовных прав и свобод человека? Ведь либеральные ценности и идеалы, если простые люди не имеют практической возможности их реализовать, превращаются в фарисейство кучки «сильных». Это особенно важно в условиях нашего «недоразвитого» гражданского общества, где пока не развита культура добровольных ассоциаций граждан по отдельным групповым интересам и в котором граждане не имеют возможности сами себя защитить даже посредством апелляции к закону и юстиции. А ведь эффективность механизмов юридической защиты - *condicio sine qua non* либерализма.

Действительно, «государственная школа» имеет в России глубокие корни и в праве, и в исторической науке и, главное, в практике государства. По сравнению с западным миром, государства в России было и до сих пор остается значительно «больше», чем общества, и его воздействие на общественную жизнь значительно более активно. Оставим в стороне исторические причины подобного соотношения и обратимся к их последствиям. Они неоднозначны. С одной стороны, ситуация, при которой государство имело возможность поставить себе на службу лучшие общественные ресурсы, порой способствовало прогрессу. Например, просвещенная и либерально ориентированная российская бюрократия второй половины девятнадцатого века несомненно работала как позитивный фактор модернизации страны (что, правда, не мешало российскому чиновничеству служить традиционным «козлом отпущения» при всех властителях и режимах, но это - тема особая 10)).

Но, с другой стороны, ситуация «сильное государство - слабое общество» блокировала возможности для полноценного развития общественных сил - неотъемлемого элемента подлинной социальной модернизации. К тому же наше государство, доминируя над обществом, личность уж и подавно игнорировало. Русские люди имели по отношению к своему государству только обязанности, государство же по отношению к ним - только права. Помните, как писал В.О.Ключевский: «Государство пухло, а народ хирел»? А французский путешественник де Кюстин, гуляя по Невскому в середине дня, заметил: «По проспекту сновали толпы чиновников, и в походке каждого была видна воля пославшего его».

В результате люди, не желавшие мириться с участью конформных слуг государства, как бы выдавливались из «нормальной» жизни: на Север, в скиты, в степь, в казаки, позднее в эмиграцию, в нигилисты... Так или иначе, наиболее активный людской потенциал самоотчуждался от государства. В психологическом плане это порождало подозрительно-недоверчивое, а то - и прямо негативно-деструктивное отношение к исходившим время от времени от государства новациям, При этом парадоксально, что именно в тех случаях, когда государственные инициативы обещали людям выгоды, как минимум, пассивное сопротивление бывало особенно сильным, ибо многократный негативный опыт общения с государством создал прочный стереотип: «старое зло привычней и потому надежней нового добра, а от начальственных забот все равно ничего хорошего не будет».

К сожалению, тенденция эта сохранилась и в постсоветские годы, когда российская государственная власть, впервые за долгие десятилетия, пусть непоследовательно и неумело, но действительно пыталась перевести страну на рельсы принципиально иного типа развития. И здесь, увы, не лучшую роль сыграла часть нашей интеллигенции, по инерции (а отчасти - и по своекорыстию) занявшая байроническую позу: дескать, «достойный человек, интеллигент, всегда должен быть в оппозиции ЛЮБОЙ власти.» Трудно сосчитать, сколько вреда принесла нам эта поза. Ведь у нас за

последние десятилетия маятник совершил взмах от одной крайности до другой, а теперь с пока еще не слишком громким, но вызывающим у рефлексирующей части общества довольно мрачные реминисценции свистом пошел обратно. От нашего традиционного нерассуждающего повиновения всемогущему патерналистскому государству мы, не задержавшись на конструктивной критике его институтов и обыкновений, очень быстро перешли к тотальной, огульной критике любых властных действий государства. Демонстративное неуважение к власти, особенно власти центральной, стало модой, стилем поведения в 90-е годы. Для выпадов, очень часто безответственных и бездумных, в адрес так называемого «ельцинского режима» не нужно было ни особого ума, ни особой смелости. Непривычный воздух свободы слова опьянил. Например, так называемая «четвертая власть» поняла это свое метафорическое название в самом вульгарном и примитивном смысле - не как особую меру социальной ответственности, а как возможность вещать все, что заблагорассудится, да к тому же и приторговывать своей позицией «человека у микрофона», т.е. использовать информационные потребности общества и предназначенные для их удовлетворения инструменты для личных и групповых коммерческих нужд. Словом, все по арии князя Галицкого: «Пожил бы я всласть, ведь на то и власть». В результате произошла страшная вещь: **базовая либеральная ценность - свобода - была в значительной мере девальвирована и дискредитирована в общественном сознании. Возникла реакционно-утопическая ностальгия по «порядку».** А на гребне ее, в свою очередь, образовалась пена частичной политической реставрации. Как далеко пойдет маятник обратно, пока неясно.

Да, в России государство действительно играло роль более значительную, нежели в большинстве европейских стран, не говоря уж о США, выступая как активная, во многом первичная по отношению к обществу сила. И в этом смысле наши нынешние крайние «государственники» опираются на мощную культурно-историческую

традицию. Однако, поскольку мы сейчас все-таки живем в период переосмысления традиций, необходимо заново проанализировать характер, значение и последствия этого исторического обстоятельства. Например, имеет серьезные резоны точка зрения, согласно которой одна из фундаментальных причин российских бед как раз в том и состоит, что у нас всегда было слишком сильное государство и слишком слабое общество. Иными словами, чем лучше становилось государству, тем хуже - жившим в нем людям. Государство у нас воспринималось как враждебная человеку сила и на самом деле почти всегда таким и было. Об этом, в частности, ярко написано в работе позднего Л.Н.Толстого «Патриотизм и правительство». И народ тоже это понимал. Поэтому, когда мы завидуем чужому патриотизму, сокрушаемся у отсутствии одного у нас самих и пытаемся вновь насадить его «сверху», мы, вольно или невольно, смешиваем два вида патриотизма - «формально-казенный», идущий от «начальства», и искренний, идущий изнутри человеческих душ. Первый - это патриотизм *государства*, второй же - патриотизм *страны*, в которой живешь. А это далеко не одно и то же.

И поэтому, учитывая многовековые традиции государственного деспотизма нашей «печальной и многотерпеливой истории», реальные последствия так называемой «особой роли государства» в России, а, иными словами - всегдашнего подавления общества репрессивным государством, курс на «укрепление вертикали власти» может не вызывать тревоги лишь в том случае, если государство одновременно осознает необходимость серьезного самоограничения, а общество сохранит инструменты контроля над государством. В противном случае это может стать хотя и безнадежной в историческом отношении, но способной причинить немалый ущерб и людям, и обществу в целом попыткой затормозить наше движение по пути к открытому обществу.

Да, в течение 90-ых годов у России была широкая возможность переустроить наше общество на началах самоорганизации, а также морального самоочищения, т.е., критически переосмысливая свой

исторический опыт, корректировать традиционную ценностную шкалу, вырабатывать новые цели и идеалы. Однако время это было растрачено в политиканских интригах, позерстве, а то - и в криминальном набивании карманов. Многие из тех, кто объективно взял на себя бремя политического и морального лидерства, оказались не на уровне задачи, «промотали чужое наследство», собранное, в частности, «шестидесятниками», и дискредитировали все, что только можно. Запад, кстати, тоже приложил к этому руку. 11) Теперь на смену пришло намерение опять попытаться обустроить все «сверху». Только возможно ли это в принципе и если «да», то за какую цену?

Именно по этим критериям надо оценивать нынешнюю ситуацию частично реанимируемого авторитаризма. Политические шаги нынешней власти подают «смешанные сигналы», то дают основания говорить о качественно новых шагах по пути реформ, то обливают холодным душем разочарования и даже худших опасений. С одной стороны, неплохо, что после двух президентов «бури и натиска», совершивших огромные прорывы вперед и, как всегда в подобных случаях бывает, одновременно «наломавших немало дров», пришел человек, задача которого - упорядочить сделанное, закрепиться на новых рубежах и в то же время исправить то, что было сделано плохо, неудачно. Но, с другой стороны, людей, обладающих исторической рефлексией, некоторые вещи смущают. До сих пор неясно, что преобладает на деле. По одним направлениям происходит продвижение или, по крайней мере - закрепление достигнутого, по другим - достаточно явный откат назад. Очень беспокоит также активизация подданнических (чтоб не сказать - холуйских) стереотипов нашей политической культуры, что само по себе может перечеркнуть все достигнутое и намеченное. Оптимисты уверяют, что все это - напрасные страхи. Но многие симптомы говорят и об обратном. А поскольку в персоноцентристской парадигме все, в первую очередь, зависит не столько от лидеров, сколько от рядовых людей, возрождение кулуарной, закрытой

политики может принести лишь отдельные тактические успехи, но не необратимый переход общества на персоноцентристскую дорогу.

XX   XX   XX

Одна из аксиом демократии гласит, что в демократических обществах от гражданских и моральных качеств людей зависит больше, чем от правителей и политических институтов. Например, американцы, у которых уж чему-чему, а демократии стоит поучиться, так видят «четыре опоры плюрализма»: «свобода слова, добродетель, капитализм и ограниченное правление. /последнее подразумевает ограниченную в своих полномочиях власть - А.О./ Мы американцы не любим чрезмерной концентрации власти.» 12) Впрочем, последняя мысль имеет и европейские корни. Еще Вильгельм фон Гумбольдт в начале девятнадцатого века писал, что ограничение объема деятельности государства - условие сохранения его моральной сущности, а слишком пространная забота государства о гражданах наносит большой вред «энергии деятельности и моральному характеру людей» 13). Думается, для нас моральное возрождение общества после серьезнейших долговременных моральных деформаций - не только необходимый, но, может быть, даже ключевой фактор. Процесс этот не обещает быть ни легким, ни быстрым.

Еще в 1923 году П.И.Новгородцев предвидел гигантскую сложность задачи нравственного возрождения нации после краха большевистского режима: «Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших моральных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ... Среди этого всеобщего разрушения лишь с великим трудом будут пробиваться всходы новой жизни... Сколько новых темных чувств незаглохнувшей стихии опять появится! Сколько натворит новых бед

суровая страсть порядка и покоя! Сколько тяжелых этапов пройдет и могучая потребность хозяйственного восстановления с ее неукротимыми инстинктами приобретения и накопления. 14) За 80 лет, минувшие с тех пор, как были написаны эти строки, ситуация в этом отношении лишь ухудшилась. Разве что процессы настолько ускорились, что века сжались до десятилетий. Поэтому не надо особо надеяться на «русское чудо» мгновенного превращения жабы в красавицу. Конечно, психологически социальное нетерпение, желание сделать все и сразу - «здесь и теперь» - очень понятно. Мы уже до оскомины наелись сказок о «светлом будущем». Но что же делать, если сроки человеческой жизни не совпадают с историческими периодами? «Крот истории» роет медленно. А, как известно, «времена не выбирают».

В свое время Франклин Рузвельт сказал: «Одному поколению многое дано, с другого многое спросится, а некоторые поколения встречаются с будущим». Мы встретились со своим будущим, и в этом смысле нам очень повезло. Сейчас оно открыто для разных сценариев развития, и мы в отличие от тех, кто был до нас, держим его в собственных руках. Так что жаловаться в случае, если мы опять изберем старую колею, будет не на кого. Карл Поппер считал глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. И, как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но это приносило людям лишь новые беды. Вернуться в мнимый «утраченный рай» тоталитаризма невозможно. «Для вкусивших от древа познания рай потерян. Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы

стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь - путь в открытое общество. Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу.» 15)

Не последнюю роль в процессе формирования нашего будущего способна сыграть и юридическая наука. В книге я сознательно самоограничивался в анализе государственно-правовых институтов. Это обусловлено и спецификой избранного подхода, и тем, что по ряду разделов истории российского государства и права существуют достаточно глубокие исследования.

К тому же я помню ремарку Ключевского: «Не я виноват, что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Юрист строгий и только юрист ничего не поймет в русской истории, как целомудренная фельдшерица никогда не поймет целомудренного акушера» 16). Эта горькая констатация великого историка высказана в 1900 г. Но, к нашему общему несчастью, она оказалась справедливой и для всего века XX.

Впрочем, в последнее десятилетие у нас, похоже, появился шанс прийти в конечном счете к ситуации, когда уже без внимания к праву мы ничего не поймем в складывающейся русской жизни, поскольку в принципе невозможно, не обращаясь к категориям из области права, объяснить жизнь демократических обществ. Поэтому очень обнадеживает развитие в нашей науке «обновленческой» теоретической струи, в русле которой происходит глубокое осмысление фундаментальных принципов гражданского общества и правового государства применительно к условиям и перспективам России 17).

А завершить книгу я хотел бы строками из стихотворения старого немецкого поэта Пауля Флеминга. Он жил во времена гораздо более тяжелые, чем мы с вами, в начале XVII столетия, когда перед его страной на самом деле

стояла проблема выживания. Но при этом он верил, что именно сами люди
- хозяева собственной судьбы.

Во времени живя, мы времени не знаем.

Тем самым мы себя самих не понимаем.

В какое время мы, однако, родились?

Какое время нам прикажет: «удались!»

А как нам распознать, что **наше** время значит?

И что за будущее наше время прячет?

Весьма различны времена по временам.

То нечто, то ничто - они подобны нам.

Изжив себя вконец, рождает время время.

Так продолжается и человека племя.

Но время времени нам кажется длинней

Коротким временем нам отведенных дней.

Подчас о времени мы рассуждаем с вами.

Но время это - мы! Никто иной. Мы сами.

Сноски к главе 11.

- 1 Николаев С.В. Расконвоированные. М. 1998.С.41.
- 2 Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. М. 1993. С. 187.
- 3 Там же.С.190.
- 4 Аксенов Г.П. Крылья орла. М. 2000. С.265-266.
- 5 Николаев. С.Н. Цит. соч.
- 6 См., напр.: Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности: тексты. М. 1982. С.108-117; Обуховский К. Психология влечений человека. М. 1981.
- 7 Fukuyama F/ The End of History and The Last Man. N/Y/ 1992/ Pp. 143-192.
- 8 Ibid. Pp.302-304.
- 9 Гулиев В.Е., Колесников А.М. Отчужденное государство. М. 1998.
- 10 См об этом, напр.: Оболонский А.В. На государевой службе. Бюрократия в старой и новой России. М. 1997.
- 11 См. об этом. «Запад в роли «Мефистофеля», в: Оболонский А.В. У порога открытого общества. // «Открытая политика». 1995.N 8. С.9-11.
- 12 Цитата из журнала, издаваемого в одном из классических оплотов «ортодоксального» либерализма Hillsdale College «Imprimis, 2001, December, vol. 30, No. 12, p. 2.
- 13 Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М. 1985. С.37.
- 14 Новгородцев. П.И. Об общественном идеале. М. 1991. С. 577.
- 15 Поппер К. Открытое общество и его враги. М. 1992. Т. 1. С. 248.
- 16 Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы. М., 1968. С.378.
- 17 Ни в коей мере не претендуя на полноту перечня, назову лишь некоторые относительно недавние работы этого направления: Нерсисянц В.С. Наш путь к праву. М., 1992; он же. Философия права. М. 1997; Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993.